
Σ Χ Ο Λ Η

**ФИЛОСОФСКОЕ АНТИКОВЕДЕНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ**

Том 8

Выпуск 2

2014

ВЫБОР • ПРАВО • ВЛАСТЬ • АРГУМЕНТ

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие редактора / Editorial	134
ПЕРЕВОДЫ / TRANSLATIONS	
Амвросий Медиоланский. <i>О благе смерти</i>	136
Е. П. АРИСТОВА, предисловие, перевод, примечания	
Трактат <i>О не-сущем, или О природе</i> Горгия в <i>De Melisso Xenophane</i>	198
<i>Gorgia</i> , V–VI: Условно-формальная структура и перевод	
М. Н. ВОЛЬФ, предисловие, перевод, примечания	
РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ / REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY	
«Дедалы речей». Софистика в современных исследованиях	217
М. Н. ВОЛЬФ	
И. Р. Тантлевский. <i>Загадки рукописей Мертвого моря: История и</i> <i>учение общины Кумрана</i> . Санкт-Петербург: РХГА, 2011	244
А. А. ХЛЕВОВ	
Платон и Атлантида. Обзор книги: Rudberg, Gunnar. <i>Atlantis and</i> <i>Syracuse</i> . Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2012	249
А. С. АФОНАСИНА	
Порфирий об одушевлении эмбриона. Заметки к книге: Luc Brisson et al. (ed.) <i>Porphyre. Sur la manière don't l'embryon reçoit l'âme</i> . Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 2012	257
Е. В. АФОНАСИН	
СТАТЬИ / ARTICLES	
ВЫБОР · ПРАВО · ВЛАСТЬ · АРГУМЕНТ	
CHOICE · LAW · POWER · ARGUMENT	
Софистика – это не аргументация	268
Е. Н. ЛИСАНЮК	
Бесконечный лжец	285
В. А. ЛАДОВ	
Правила, юридический язык и речевые акты.....	293
В. В. ОГЛЕЗНЕВ, В. А. СУРОВЦЕВ	
Концептуальный анализ в философии права: границы применимости	303
В. В. ОГЛЕЗНЕВ	

132 Содержание / Contents

Термин «proairesis» и богословие личности	312
Иеромонах МЕФОДИЙ ЗИНКОВСКИЙ	
Лукреций Кар: и рационалистический детерминизм, и иррационалистический индетерминизм	328
В. П. ГОРАН	
Бозций и Райл об эпистемическом фатализме	339
Е. В. БОРИСОВ	
Король, Папа и Император: проблема легитимности светской власти в «Семи Партидах» и глоссе Грегорио Лопеса	347
А. В. МАРЕЙ	
Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского	365
Е. С. МАРЕЙ	
Семиозис власти в семантическом типе культуры	378
С. В. САННИКОВ	
К вопросу о значении термина <i>hybris</i> в архаический период	399
С. П. ШЕВЦОВ	
Современные теории естественного права и классическая традиция ...	378
А. Б. ДИДИКИН	
VARIA	
«Мудрая» Сапфо или философия древнегреческой инициации	425
Т. Г. МЯКИН	
Философия как литература: способы представления	445
О. А. ДОНСКИХ	
Протестантский и католический неоаристотелизм в немецкой философии XIX в. Франц Brentano о многозначности сущего у Аристотеля	454
Р. А. ГРОМОВ	
Античная медицинская симптоматология и современная семиотическая теория	473
Е. А. НАЙМАН	
«О граде Божьем» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории	480
В. Н. СЫРОВ, С. Ю. СУХАНОВА	
Математический платонизм	492
В. В. ЦЕЛИЩЕВ	
Relations in the Trinitarian Reality: Two approaches	505
PAVEL BUTAKOV	

Владимир Эрн как читатель Платона	520
М. Ю. НЕМЦЕВ	
«Лисид»: опыт аксиологического комментария	537
С. С. АВАНЕСОВ	
Etymology of the Nickname <i>Iskariot(h)</i>	545
IGOR TANTLEVSKI	
АННОТАЦИИ / ABSTRACTS	549

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДАХ ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО

Е. С. МАРЕЙ

НИУ Высшая школа экономики, Москва

elena.fontis@gmail.com

ELENA MAREY

The National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF JUSTICE IN THE WORKS OF ISIDORE OF SEVILLE

ABSTRACT. The article is dedicated to the Latin concepts *aequitas* and *iustitia* in the works of Isidore of Seville. The “first Encyclopedic mind of the Middle Ages”, Isidore was guided in his works (the “Etymologies”, “Differences” and “Sentences”, studied in this article) by the Roman legal tradition as well as the Christian tradition of use of these concepts. According to Isidore, justice (*iustitia*) is related to the written law (*ius*); this word is primarily used with reference to mundane justice and legislation. In the same time it may be a just legal order, established by God, and in this sense *iustitia* is partly associated with *aequitas*. On the contrary, an equity (*aequitas*) is based on natural law (*ius naturale*) and signifies the primordial order, natural and obvious to everyone. It’s main feature is equality of all the people. Nevertheless (even in the same Isidore’s works) the concepts of *aequitas* and *iustitia* look like interchangeable synonyms: the original distinction between them disappears little by little, as long as God is accepted to be an ultimate source for both *iustitia* and *aequitas* and a passage in the “Differences” I.32 (68) appears a mere scholastic exercise in distinguishing the concepts which no longer differ in practice.

KEYWORDS: Isidore of Seville, *aequitas*, *iustitia*, human and divine justice, reception of the Roman legal tradition.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01226 «Дифференции» Исидора Севильского: перевод, комментарии, исследование).

Понятие справедливости является, без сомнения, одним из краеугольных философских и юридических понятий (напр., Кофанов 2006, 5–13). Однако в разных культурах в разные эпохи представления о справедливости неодинаковы. В латинском языке этот концепт мог быть выражен двумя словами: *iustitia* и *aequitas*. Этими терминами оперировали римские юристы, которые, однако, не ставили своей целью объяснить читателям, чем они отличаются. Одним из

первых эти понятия попытался определить крупнейший энциклопедист раннего Средневековья Исидор Севильский (ок. 570–636 гг.). Он считал, что основой *iustitia* является закон, тогда как *aequitas* коренится в самой природе.¹ Такое определение нельзя признать исчерпывающим. Как, по мнению Исидора, соотносятся эти два понятия? Могли ли они быть взаимозаменяемыми? Или, напротив, они чётко противопоставлялись друг другу? Наконец, на какие источники опирался Исидор, проводя такое различие? Ответам на эти вопросы и будет посвящена настоящая статья.

Родившийся в знатной семье, Исидор получил прекрасное образование под руководством своего старшего брата Леандра, после смерти которого ок. 596 г. он наследовал епископскую кафедру в Севилье. Эрудиция и писательский талант Исидора сделали его самым авторитетным епископом Толедского королевства (Уколова 1984, 176–190; Bourret 1855; Brehaut 1912; Fontaine 1959; Diesner 1977; Cazier 1994; Henderson 2007 etc.). Он хорошо знал произведения римских и христианских писателей и свободно их цитировал. Его «Этимологии» представляют собой сокровищницу античного знания, где юридической науке посвящена первая половина пятой книги. Хотя сфера его интересов не ограничивалась одним только правом и, более того, не право занимало в ней первое место, Исидор одним из первых сумел дать определение ключевым понятиям, без которых трудно было бы себе представить дальнейшее развитие законодательства и теоретической юридической мысли.

«Этимологии, или Начала в XX книгах» вместе с «Дифференциями» были написаны с целью создания стройной системы дефиниций и концепций. В эпоху поздней Античности и раннего Средневековья невероятную популярность приобретают всевозможные компендиумы, где собраны и систематизированы знания. В этот же ряд стоит поставить и появления грамматик, содержащих определения категорий языка (Уколова 1989, 34–35; Уколова 1992, 86–89). И Отцы первых церковных соборов много внимания уделяют определениям, так как основной их задачей в этот период было установить чёткие религиозные догмы, разграничить ортодоксию и ересь. Эта же тенденция систематизации затрагивает и юриспруденцию, и, как следствие, появляются сначала Кодексы Гермогена и Григория, а потом и знаменитый Кодекс Феодосия 438 г. (Сильвестрова 2007, 77–78). В русле этой традиции находился и Исидор Севильский, стремившийся постичь мир, познав истинный смысл слов через их этимологию.

Предпринятый в настоящей работе анализ словоупотребления понятий *aequitas* и *iustitia* в трудах Исидора Севильского позволит пролить свет на представления о праве и правосудии в Толедском королевстве VII в. и о ре-

¹ Differentiae, I.32 (68): Inter aequum et iustum. Iustus quippe ex lege est, quasi ius custodiens, aequus autem est qui secundum naturam iustus (здесь и далее при цитировании первой книги «Дифференций» сначала идет номер леммы по изданию К. Кодоньер, а затем, в скобках, – по изданию Ф. Аревало).

цепции римской правовой традиции. Для адекватного понимания этих категорий необходимо проанализировать случаи их употребления и контексты, в которых они встречаются, как в трактатах самого Исидора, так и в тех произведениях, которые он, несомненно, читал и знал. К таковым относятся труды римских юристов (прежде всего Павла и Гая) и писателей, Библия и наследие христианских авторов. Обе эти традиции – античная языческая и христианская – составляют тот фундамент, на котором строилось творчество Исидора, и без их изучения анализ интересующих нас терминов будет неполным. Рассмотрим, что же нового в их понимание внес Исидор.

1. *Iustitia*

Начнём с анализа термина *iustitia*. Исидор определил его как искусство жить правильно,² то есть, как некий порядок, регламентирующий взаимоотношения между людьми. Справедливость каждому воздаёт по заслугам.³ Его определение в целом совпадает с высказыванием римского юриста Ульпиана, жившего в III в.⁴ (Ср. Кофанов 2006, 179), и даже знаменитого оратора Цицерона,⁵ что указывает на глубокую связь с античной политической и правовой традицией. В то же время нельзя исключить, что наряду с римскими юристами его источником в этом вопросе мог быть трактат «О граде Божием», где также связываются право и справедливость.⁶ В своих «Этимологиях» Исидор Севильский привёл более конкретное определение: «Справедливым называется тот, кто чтит право и живёт по закону».⁷ Здесь *iustitia* оказывается напрямую связанной с понятиями *ius* (право) и *lex* (закон).

Исидор производит слово *ius* от слова *iustus* (справедливый).⁸ Такая точка зрения была близка и юристу III века Ульпиану, который крепко связывал эти понятия.⁹ Кроме того, для дефиниции термина *ius* Исидор противопоставляет его слову *fas*, которое есть не что иное, как высший божественный закон, единый для всех народов. *Ius* же является системой права, придуманной человеком.¹⁰ Интересно, что слово *fas* Исидор в «Этимологиях» употребил только

² Differentiae, I.20 (290): *Iustitia est studium recte vivendi...*

³ Etymologiae, II.14.6: *Iustitia, qua recte iudicando sua cuique distribuunt; Sententiae. III.50.3: Reddere malum pro malo uicissitudo iustitiae est...*

⁴ D. 1.1.10.1 (Ulpianus 1 reg.): *Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere.*

⁵ De inventione, II. 160: *Iustitia est habitus animi communi utilitate con servata suam cuique tribuens dignitatem.*

⁶ De civitate Dei, XIX.26: *Ubi iustitia vera non est, nec jus esse potest.*

⁷ Etymologiae, X.124: *Iustus dictus quia iura custodit et secundum legem vivit.*

⁸ Etymologiae, V.3.1: *Ius autem dictum, quia iustum [est].*

⁹ D. 1.1.1pr. (Ulpianus 1 Inst.): *Iuri operam daturum prius nosse oportet, unde nomen iuris descendat. Est autem a iustitia appellatum...* (здесь и далее выделено мной – Е.М.)

¹⁰ Etymologiae, V.2.2: *Fas lex divina est, ius lex humana.*

трижды, и дважды – в приведённом выше отрывке, хотя идея о божественном происхождении закона была ему близка. Вероятно, слово *fas* для него являлось частью языческой картины мира; немаловажно и то, что в Вульгате это слово встречается крайне редко (7 раз), поэтому епископ Севильи предпочел заменить его на *divina lex*.

Итак, по мнению Исидора, законы, придуманные людьми, в своей основе имеют нравы и обычаи, и потому у каждого народа они разные. Напротив, фундаментом божественных законов являются установления природы, общие для всех людей.¹¹ Таким образом, Исидор трактовал понятие «закон» шире, чем документально зафиксированное постановление, и в этом следовал за римской традицией. В частности, Марк Туллий Цицерон говорил о законе как о данном природой здравом разуме, способный отделять дурное от хорошего. Следовательно, по мнению оратора, закон находится в согласии с природой, своим источником (*De legibus*, I.33; *De legibus*, I.43). Особое значение придавалось справедливости, как обязательной черте закона. Дурные законы, по мнению Цицерона, должны считаться решениями, принятыми шайкой разбойников. Настоящий закон призван отличать справедливое от несправедливого, карать преступников и защищать права порядочных людей (*De legibus*, II.13). Далее, здравый разум, который и есть закон, одинаково присущ и божеству (богам), и человеку, а следовательно, является связью между двумя мирами.¹² Следовательно, закон не может быть несправедливым и неправильным, точно также как не может быть неправильным и несправедливым само право (*ius*). (*Topica*, III.9; подробный разбор см. Дождев 2011). В свою очередь категория *iustitia* представлялась в виде справедливого правопорядка, воплощенного в издании разумных писаных законов и следовании им.

Особый отпечаток на коннотации термина *iustitia* наложила христианская традиция, что было отражено и в трудах Исидора. Так, во второй книге «Дифференций», посвященной богословской проблематике, он писал, что в рамках понятия *iustitia* можно выделить несколько составляющих. Она включает в себя в первую очередь богобоязненность и исполнение религиозных предписаний, затем почтение к родителям и любовь к родине. Обладающий этим качеством человек помогает нищим, воздаёт добром за добро и, наконец, судит праведно.¹³ Интересно, что правовые коннотации слова *iustitia* в данном случае

¹¹ Etymologiae, V.2.1: Omnes autem leges aut divinae sunt, aut humanae. Divinae natura, humanae moribus constant; ideoque haec discrepant, quoniam aliae aliis gentibus placent.

¹² *De legibus* I.23: Inter quos autem ratio, inter eosdem etiam recta ratio [et] communis est: quae cum sit lex, lege quoque consociati homines cum dis putandi sumus. Inter quos porro est communio legis, inter eos communio iuris est.

¹³ *Differentiae* II.156–158: Definito prudentiae genere, nunc partes iustitiae subjiciamus, cuius primum est Deum timere, religionem venerari. honorem referre parentibus, patriam diligere, cunctis prodesse, nocere nulli. fraterna charitatis vincula amplecti, pericula aliena

не являются определяющими. Здесь *iustitia* употреблено в значении, близком к слову «праведность». В «Сентенциях» Исидор часто обозначает прилагательным *iustus* благочестивого человека, которому уготовано Царствие Небесное (см., например, *Sententiae*, I.15.7; *Ibid.* II. 24. 2; *Ibid.* III. 1.4; *Ibid.* III 1.5–6), ставя *iustus* в один ряд со словом *religiosus* (*Differentiae*, I.498). Конечно, такое словоупотребление было введено не севильским епископом, а гораздо раньше. По сути, оно восходит к Новому Завету и продолжается в трудах христианских писателей: Лактанция, Амвросия Медиоланского, Августина (*Lactan.*, *De div. inst.* V.6; *Ambr.*, *De off. min.* I. 22; *Idem.* *De off. min.* I. 29; etc; *Aug.*, *Diver. qu.* 61.4. См. также Dorado 2004, 4–5) и др.

Праведность и благочестие суть не что иное, как следование нормам божественного правопорядка. Так что одной из граней значения слова *iustitia* является справедливость в высшем смысле этого слова, правопорядок, установленный Господом. *Iustitia* пребывает на небе.¹⁴ Использование притяжательных прилагательных указывает на то, что этим качеством в полной мере обладает только Бог (*Psalterium Gothicum*, 5; *Ibid.* 30; *Ibid.* 35; *Ibid.* 47; *Ibid.* 70; *Ibid.* 87; *Ibid.* 88 etc). Господь может временно наделить справедливостью правителя с тем, чтобы он вершил правосудие,¹⁵ но сама *iustitia* не является постоянным качеством земного царя: по отношению к нему это слово не употребляется. В письмах Иеронима Стридонского, переводчика Библии, *iustitia* совсем не случайно понимается как высшая божественная справедливость и праведность.¹⁶

В сознании Исидора, его предшественников и современников установленные коннотации слова *iustitia* представляли собой непротиворечивое целое. Можно сказать, что *iustitia* у него распадается на два уровня: небесный и земной. Это и идеальный правопорядок, установленный Господом, и стремление ему следовать, то есть праведность. Практически это выражается в соблюдении христианских заповедей и земных законов. С законопослушностью связана обязанность воздавать каждому по заслугам. Применительно к судье это означает правосудие. Таким образом, римская и христианская традиция словоупотребления термина *iustitia* в произведениях Исидора органично дополняют друг друга.

suscipere, opem ferre miseris, boni accepti vicissitudinem rependere, aequitatem in iudiciis conservare. <...> 158. ... iustitia dilectionem Dei et proximi servat, ...

¹⁴ *Psalterium Gothicum*, 84: veritas de terra orta est et de caelo prospexit.

¹⁵ *Psalterium Gothicum*, 71: Deus iudicium tuum regi da et iustitiam tuam filio regis iudicare populum tuum in iustitia et pauperes tuos in iudicio.

¹⁶ *Epistolae*, 21.3: Mercenarios secundum alium intellectum eos animadvertimus ex Iudaeis, qui ob praesentia tantum bona, Legis praecepta custodiunt. *Hi iusti sunt et misericordes, non ob ipsam iustitiam, et ob ipsum misericordiae bonum; sed ut a Deo terrena felicitatis et longae vitae praemium consequantur*; *Ibid.* 21.40; *Ibid.* 52.13; *Ibid.* 109.9.

2. Aequitas

Термин *aequitas* Исидор употребляет значительно реже и, как правило, в одном ряду с *iustitia*. Пытаясь дать определение этому термину, он неизбежно вынужден сравнивать его с последним. Так, согласно приведенному в «Дифференциях» определению, под *aequitas* понимается умение быть справедливым вообще, в соответствии с природой, тогда как под *iustitia* – законопослушность.¹⁷

Вообще, *aequitas*, ключевое понятие в римской юридической терминологии, в силу своей объёмности и многогранности очень трудно поддаётся формальной дефиниции. Кроме того, с течением времени оно, как и другие слова латинского языка, впитало в себя новые дополнительные смыслы и коннотации. Таким образом, во времена Исидора понятие *aequitas* «тянуло» за собой несколько смысловых пластов из разных эпох: *aequitas* римских юристов классической эпохи и *aequitas* Отцов Церкви (Подробнее см. Дождев 2008, 43–44; Дождев 2011; Caron 1971, 1–18, 51–53; Bretone 1987, 334–338; Waldstein 2007, 299–322; Humbert 2007, 419–474) etc.

Пожалуй, впервые *aequitas* и однокоренные понятия приобретают выраженный юридический оттенок в трудах Марка Туллия Цицерона. Действительно, существительное *aequitas* до него встречается в текстах очень редко, но прилагательное *aequus* в значении «справедливый» фигурировало еще у Плавта.¹⁸ Однако в подавляющем большинстве случаев это прилагательное появляется у авторов эпохи Республики и раннего Принципата в нейтральном контексте и скорее означает «ровный, спокойный», и это значение равенства будет сохраняться на протяжении всей истории латинского языка. У Цицерона же *aequitas*, как правило, соотносится с правом (*ius*) (Дождев 2011). В первой речи второй сессии суда над наместником Сицилии Гаем Верресом *aequitas* фигурирует как один из регуляторов общественных отношений. Оратор обвинил Верреса в том, что тот издал эдикт, в котором незаконно назначил себя наследником некоего Минуция, и при этом открыто презрел *aequitas*, право (*ius*), обычаи (*consuetudines*) и эдикты предшественников (*edicta omnium*).¹⁹ Цицерон различал *aequitas* и писанный закон (*lex*), но не противопоставлял их; в речах против Верреса *aequitas* употребляется, скорее, в смысле изначальной, неоспоримой справедливости, правды (*In Verrem*, 2.3.181; *Ibid.*, 2.3.220).

В своём произведении «Об обязанностях» Цицерон писал, что *aequitas* по смыслу очень близка к категории *iustitia*, и в философских трактатах употреблял их как синонимы (*De officiis*, 1.64.8; *Laelius de amicitia*, 82.5; *Topica*, 90.10; *De finibus*, 2.59.6). Однако понятие *aequitas* гораздо шире; Цицерон выделяет

¹⁷ *Differentiae*, I.32 (68): *Inter aequum et iustum. Iustus quippe ex lege est, quasi ius custodiens, aequus autem est qui secundum naturam iustus.*

¹⁸ *Amphyt.*, 16: *...itaque aequi et iusti hic eritis omnes arbitri; Bacchid.*, 119; *Cassina*, 375.

¹⁹ *In Verrem*, 2.1.116: *Componit edictum his verbis ut quivis intellegere possit unius hominis causa conscriptum esse, tantum quod hominem non nominat; causam quidem totam perscribit, ius, consuetudinem, aequitatem, edicta omnium neglegit.*

три его составные части. Это, во-первых, правильные законы, во-вторых, некая трудноуловимая рациональная составляющая, и, наконец, проверенные временем обычаи.²⁰ Таким образом, *aequitas* выступает как родовое понятие, в поле которого оказываются и *iustitia*, и *ius*. Кроме того, оно распадается на три уровня и соответственно, носит разные названия. *Aequitas*, относящаяся к богам, зовется набожностью (*pietas*),²¹ относящаяся к манам, душам усопших, – благочестием (*sancitas*), на человеческом же уровне она остаётся *aequitas* или же *iustitia*.²² Таким образом, *aequitas* диктует правила поведения человека по отношению и к остальным людям, и к потустороннему миру, образ жизни идеального гражданина. Если мы определяем *iustitia* как законопослушность, то *aequitas* – это те поведенческие стимулы человека, которые заставляют его следовать закону, это в некотором смысле основа концепта *iustitia*.

Понятие *aequitas* выступает одной из важнейших категорий и в трудах римских юристов, однако их интерпретации этого понятия разнятся. Чаще остальных к этой категории обращался Юлий Павел, правда, не в «Сентенциях», а в других своих трудах. В «Сентенциях» же прилагательное *aequus* обычно возникает при обсуждении вопросов, касающихся наследства, и применяется для обозначения равных долей (Pauli Sententiae, III.6.12; Ibid. VI.14). Таким образом, коннотация равенства сохраняется. Интересно также, что для характеристики термина *aequitas* Павел, а также Гай и Ульпиан регулярно используют эпитет *naturalis* – естественный (D.38.16.1.4 (Ульпиан); D.41.1.9.3 (Гай), D.43.26.2.2 (Ульпиан); D.44.4.1.1 (Павел), D.49.15.19pr. (Павел); D.50.17.85.2 (Павел) etc.), который крепко связывает интересующее нас понятие с другим важнейшим правовым концептом – *ius naturale* (Waldstein 2007, 303–306).

Для Исидора *ius naturale* – это естественные права человека, независимые от его происхождения, неоспоримые и неотчуждаемые. К ним относится право вступать в брак, рождать и воспитывать детей, личная свобода, право владеть чем-либо и право на добычу.²³ Эти права можно условно назвать правами, данными человеку его природой, присущими ему от рождения. Затем Исидор добавил в список возврат отданной на хранение вещи или вверенного

²⁰ Topica, 90: Institutio autem aequitatis tripartita est: una pars legitima est, altera conveniens, tertia moris vetustate firmata.

²¹ Примечательно, что в трактате «О природе богов» Цицерон дал несколько иное определение *pietas*: De natura deorum, I.116: Est enim pietas *iustitia* adversum deos; cum quibus quid potest nobis esse iuris, cum homini nulla cum deo sit communitas. Это свидетельствует о синонимичности понятий *aequitas* и *iustitia*.

²² Topica, 90: Atque etiam aequitas tripartita dicitur esse: una ad superos deos, altera ad manes, tertia ad homines pertinere. Prima pietas, secunda sanctitas, tertia iustitia aut aequitas nominatur.

²³ Etymologiae, V.4.1: Ius naturale [est] commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur; ut viri et feminae coniunctio, liberorum successio et educatio, communis omnium possessio, et omnium una libertas, adquisitio eorum quae caelo, terra marique capiuntur.

имущества и ответ силой на насилие,²⁴ что можно условно классифицировать как права и обязанности, данные человеку социумом. Исидору и то, и другое, и все явления подобного рода представляются по определению естественными и правильными – *naturale aequumque*.²⁵

Возникает впечатление, что свои представления о естественном праве Исидор Севильский черпал из нескольких источников. Исследователи отмечали, что его концепция *ius naturale* отличается от представлений римских юристов. Испанский эрудит называл естественным правом то, что Гай называл правом народов (*ius gentium*) (García Gallo 1961, 139–140). Ульпиан же под *ius naturale* подразумевал только права человека, вытекающие из его природы, то есть брак, рождение и воспитание детей. Он не включал сюда обязанность возратить данную на хранение вещь или возможность применения силы для собственной защиты. Кроме того, для Ульпиана естественное право не было строго юридической категорией, так как он распространял его действие не только на людей, но и на животных и птиц (D.1.1.1.3 (Ulp. 1 inst.)). Вероятно, Исидор исходил именно из этого толкования.

В этом вопросе Исидор, по всей видимости, не ограничивался лишь юридическими источниками. Вероятно, он также отталкивался и от концепции *ius naturale*, сформулированной в философских трудах Цицерона. По мнению Л. Л. Кофанова, римский оратор понимал под естественным правом все, что создано не людским мнением, но изначально установлено природой. К числу его институтов он относил религию, набожность, виндикацию, благодарность и т. д. (De inventione, II.65. См. также Кофанов 2009, 41–48, Дождев 2011). Таким образом, в понятие естественного права включаются взаимоотношения людей друг с другом и с богами; о социальном характере естественного права писал и Исидор.

Показательно, что епископ Севильи охарактеризовал *ius naturale* прилагательным *aequius*. Возможно, здесь он следовал за авторитетом Юлия Павла, по мнению которого *aequitas ac bonitas* вообще являются отличительной чертой естественного права.²⁶ Следовательно, можно предположить, что концепты *aequitas* и *ius naturale* в системе Исидора если не тождественны, то, по крайней мере, очень близки, и что естественные права человека являются фундаментом, на котором стоит *aequitas*.

Исидор, несомненно, был знаком и с реально действующим законодательством

²⁴ Etymologiae, V.4.2: Item depositae rei vel commendatae pecuniae restitutio, violentiae per vim repulsio.

²⁵ Etymologiae, V.4.2: Nam hoc, aut si quid huic simile est, numquam iniustum [est], sed naturale aequumque habetur.

²⁶ D.1.1.11 (Pauli 14 ad sab.): Ius pluribus modis dicitur: uno modo, cum id quod semper aequum ac bonum est ius dicitur, ut est ius naturale...

эпохи Поздней Империи – с «Кодексом Феодосия».²⁷ Как же трактовалось понятие *aequitas* в императорских законах и в интерпретациях к ним, созданных вестготскими юристами? В тех отрывках, что вошли в «Бревиарий», оно обычно встречается в контексте судебного разбирательства и обозначает качество идеального судьи, который творит правосудие, опираясь на неё и на *iustitia* или *ius*.²⁸ Вероятно, в данном контексте, под термином *ius* надо понимать писанное право, а под *iustitia* – справедливость, на этом праве основанную, то есть законность. Категория *aequitas* здесь дополняет их, но спектр для её толкования остаётся весьма широким.

Подводя итог анализа мнений римских правоведов и писателей, можно сказать, что *aequitas* представляется сводом неписанных правил, основанных на естественных, фундаментальных правах личности. В ситуации суда это реализуется в форме равенства перед законом. Напомню, что коннотация равенства никогда не исчезала. Подтверждением этому служит закон C.Th.5.1.4.2 [=Brev.5.1.4.2], который устанавливает правила наследования имущества как бабки со стороны матери, так и равным образом (*simili aequitate*) бабки по отцу (C.Th.5.1.4.2 [=Brev.5.1.4.2]). Таким образом, в «Кодексе Феодосия» законодатель предписывает судье вершить правосудие справедливо, не отдавая никому предпочтения.

Итак, главное отличие *iustitia* от *aequitas*, сформулированное в римской правовой традиции и усвоенной Исидором, заключается в том, что первый концепт тесно связан с писаным правом и законопослушностью, тогда как второй представляет собой совокупность неписанных, но признаваемых всеми правил, которые регулируют взаимоотношения между людьми или между людьми и богами. В частности, сюда входит уважение и соблюдение принципа равенства перед законом.

Понятие *aequitas* было одним из ключевых понятий в произведениях не только римских юристов, то и христианских богословов. Тот факт, что христианская Церковь явилась хранительницей античного наследия, давно стал общим местом в литературе и не требует специальных доказательств. Так, оригинальная и наиболее подробная трактовка термина *aequitas* содержится в произведении «О божественных установлениях» Лактанция (ок. 250 – ок. 325 гг.), прозванного гуманистами «христианским Цицероном». Согласно его представлениям, справедливость (*iustitia*) состоит из двух частей: *pietas* и *aequitas*. Первое обозначает у него богопочитание, а второе – равенство всех людей,

²⁷ Etymologiae, V.1.7: Postea Theodosius minor Augustus ad similitudinem Gregoriani et Hermogeniani codicem factum constitutionum a Constantini temporibus sub proprio cuiusque imperatoris titulo disposuit, quem a suo nomine Theodosianum vocavit.

²⁸ C.Th.2.1.5 [=Brev.2.1.5]: ... et iudex eam sententiam decernat, quam iuris aequitas postulaverit. Cfr. C.Th.1.16.9 [=Brev.1.6.2] int.; C.Th. 9.1.15 [=Brev.9.1.9].

то, что Цицерон называл *aequabilitas*²⁹ (Cfr. Caron 1971, 11). Лактанций рассматривал социальное и правовое неравенство как временное отклонение от нормы, ведь очевидно, что перед Богом все люди равны. Но в отличие от римских писателей он верил в возвращение «золотого века» всеобщего равенства, которое наступит после второго пришествия (De divinis institutionibus. V.6. Ср. Трубецкой 2004, 206 – 207).

Помимо произведений «христианского Цицерона» для нас принципиальное значение имеют труды Амвросия Медиоланского (340–397), другого выдающегося христианского писателя. Его произведение «Об обязанностях священнослужителей», перекликающееся со знаменитым трактатом «Об обязанностях» Цицерона, стало одним из многочисленных культурных «мостиков» между языческим и христианским мировоззрением. *Iustitia* понимается Амвросием как искусство достижения *aequitas*, всеобщего равенства.³⁰ Замечу, что *aequitas* мыслится здесь не как гражданское равенство перед законом, а как равенство всех христиан перед Богом. В книге комментариев на Псалмы понятия *aequitas* и *iustitia* выступают как синонимы, а их юридическая семантика почти полностью стирается. Они приобретают значение праведности и исполнения христианских заповедей.³¹ Что же касается *aequitas*, то Амвросий однозначно трактует её как следование божественному закону,³² одинаковому для всех. И здесь можно увидеть отсылку к произведениям Цицерона, который одной из составляющих *aequitas* считал благочестие и богобоязненность.

Следует оговориться, что термины *aequitas* и *iustitia* стали употребляться как взаимозаменяемые синонимы еще в Вульгате. Так, греческое слово *dikaiosyne* (справедливость, правосудие) Иероним обычно переводил как *iustitia*, однако есть отрывки, в которых это понятие передано термином *aequitas* (Филиппов 1999, 164–166). Дело в том, что греческое понятие много шире латинского *iustitia*, которое имеет судебно-правовую коннотацию, поэтому Иерониму приходилось выбирать тот синоним, которое был уместнее в переводимом контексте.

²⁹ De divinis institutionibus, V.15: Pietas vero et aequitas, quasi venae sunt ejus; his enim duobus fontibus constat tota justitia.<...> Altera est justitiae pars aequitas: aequitatem dico non utique bene judicandi, quod et ipsum laudabile est in homine justo; sed se cum caeteris coaequandi, quam Cicero aequabilitatem vocat.

³⁰ De officiis ministrorum, I.24.115: ... secundo *justitiam*, quae suum cuique tribuit, alienum non vindicat, utilitatem propriam negligit, ut communem *aequitatem* custodiat...; Ibid., II.24.124.

³¹ Enarrationes in XII psalmos Davidicos, I enar., 25: Duae viae sunt: una justorum, altera peccatorum: una aequitatis, altera iniquitatis,... <...> Cave igitur ne in te gressus suos collocet avaritia, et sis via criminis; ne improbitas, ne libido, et sis via iniquitatis itinerantibus detrita flagitiis.

³² Expositio in psalmum David CXVIII, sermo 21, 14: In lege aequitas est, si spiritalem accipias legem, si consurgas cum Christo...

Испанский эрудит пытался различать эти понятия. Так, по его мнению, выраженному в «Дифференциях», *iustitia* опирается на закон, тогда как в основе *aequitas* лежат права, данные природой (Differentiae, I. 32 (68)). Однако в отрывке из «Этимологий» он писал обратное, а именно, что в состав *aequitas* входят обычаи и законы³³, ни слова не говоря о природе. Это доказывает, что современники Исидора слабо различали понятия *aequitas* и *ius*, составной частью которого также являются законы. Прилагательные *aequus* и *iustus* и вовсе выступают у него, как взаимозаменяемые синонимы.³⁴ По-видимому, епископ Севильи также смешивал понятия *iustitia* и *aequitas*. Так, в 14-ой главе второй книги «Этимологий» он привел перечень основных добродетелей, среди которых мудрость (*prudentia*), твердость (*fortitudo*), умеренность (*temperantia*) и справедливость (*iustitia*) (Etymologiae, II.14.5; Ibid. II.21.5). В 21-ой главе той же книги при перечислении этих же добродетелей место *iustitia* у него заняла *aequitas*.

Для Исидора категория *aequitas* основана не на писанном, а на естественном праве, и включает в себя равное отношение ко всем членам христианского сообщества. Она изначальна, вечна и незыблема, она не нуждается в логическом обосновании своей справедливости. Она, как и *iustitia*, исходит от Бога.

* * *

Итак, отрывок из «Дифференций» Исидора о различиях *iustitia* и *aequitas* не точно передает установившееся словоупотребление. Он больше похож на учёную попытку разграничить синонимы, на практике уже почти не различимые. Смешение понятий *aequitas* с одной стороны и *iustitia* / *ius* с другой свидетельствует о переменах в правосознании человека Раннего Средневековья.

Для Исидора и его современников концепт гражданского равенства перед земным законом утратил свое значение, его заменил концепт равенства всех людей перед Богом. В мировоззрении человека Античности *iustitia* и *aequitas* могли быть противопоставлены друг другу, ведь первая категория обозначала законопослушность, законность и была тесно связана с писанным правом, тогда как вторая мыслилась как неписанный, но древний и справедливый правопорядок, выражавшийся в частности в равенстве перед законом. Христианство делает Бога источником как *iustitia*, так и *aequitas*, следовательно, их противопоставление постепенно сходит на нет, что и привело в итоге к их отождествлению в трудах Исидора Севильского.

³³ Etymologiae, II. 10.1: Institutio aequitatis duplex est, nunc in legibus, nunc in moribus.

³⁴ Etymologiae, I.17.5: 'Aequus' quod est iustus, per AE dipthonga scribendum; Differentiae, I.428 (122): Ritus vero ad iustitiam pertinet, quasi rectum, ex quo pium, aequum, sanctumque.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- C.Th. [=Brev.] – Lex Romana Visigothorum, ed. C. G. Hänel. Leipzig, 1849;
D. – Digesta seu pandecta, Corpus iuris civilis Iustinianei, cura d. I. L. Guilielmi Beck. Lipsiae, 1829.
Differentiae – Isidorus Hispalensis. Liber Differentiarum II, Corpus Christianorum Series Latina CCSL 111A, ed. M. A. Andrés Sanz Turnhout: Brepolis, 2006.
Etymologiae – Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX, ed. W. M. Lindsay. Oxford, 1911.
Sententiae – Isidorus Hispalensis. Sententiae, Corpus Christianorum Series Latina. CCSL 111, ed. P. Cazier Turnhout: Brepolis, 1998.
Psalterium Gothicum – Liturgica Mozarabica secundum Regulam s. Isidori. Psalterium, Patrologia Latina. T. 86.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дождев, Д. В. (2008) *Римское частное право*. Москва.
Дождев, Д. В. (2011) «Понятие справедливости в римской правовой традиции», *Журнал Московской патриархии*, № 11. Электронный ресурс: http://e-vestnik.ru/analytics/rimskoe_pravo_aequitas_3869.
Кофанов, Л. Л. (2006) *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э.* Москва.
Кофанов, Л. Л. (2009) «Право природы в концепции римских юристов и Цицерона», *Ius antiquum. Древнее право* 23 (1), 38–56.
Сильвестрова, Е. В. (2007) *Lex generalis: императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э.* Москва.
Трубецкой, Е. Н. (2004) *Религиозно-общественный идеал западного христианства*. Санкт-Петербург.
Уколова, В. И. (1984) «Исидор Севильский как деятель культуры раннего средневековья», *Проблемы испанской истории*. Москва: 176–190.
Уколова, В. И. (1989) *Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V–середина VII века)*. Москва.
Уколова, В. И. (1992) *Поздний Рим: пять портретов*. Москва.
Филиппов, И. С. (1999) «Римское право и Вульгата: право, закон и справедливость», *Ius antiquum. Древнее право* 4 (1), 145 – 164.
Bourret, J.-C. E. (1855) *L' école chrétienne de Séville sous la monarchie des wisigoths*. Paris.
Brehaut, E. (1902) *An encyclopedist of the Dark Age*. NewYork.
Bretonne, M. (1987) *Storia del diritto romano*. Roma–Bari.
Caron, P. G. (1971) “Aequitas” romana, “misericordia” patristica ed “epicheia” aristotelica nella dottrina dell’ “aequitas” canonica. *Dalle origini al Rinascimento*. Milano.
Cazier, P. (1994) *Isidore de Séville et la naissance de l’Espagne catholique*. Paris.
Diesner, H.-J. (1997) *Isidor von Sevilla und das Westgotische Spanien*. Berlin.
Dorado, R. (2004) *Christ and the Just Society in the Thought of Augustine*. Cambridge.
Fontaine, J. (1959) *Isidore de Séville et la culture classique dans l’Espagne wisigothique*. Paris.

- García Gallo, A. «San Isidoro jurista», *Isidoriana. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasión del XIV Centenario de su nacimiento por M. C. Díaz y Díaz*. León: 133 – 141.
- Henderson, J. (2007) *The Medieval World of Isidore of Seville. Truth from words*. Cambridge.
- Humbert, M. (2007) «Equité et raison naturelle dans les oeuvres de Celse et de Julien», *Testi e problemi del giusnaturalismo romano*. Pavia: 419–474.
- Waldstein, W. (2007) «Equità e ragione naturale nel pensiero giuridico del I secolo d. C.», *Testi e problemi del giusnaturalismo romano*. Pavia: 299–322.